

ЮРИЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, заместитель главного редактора общенационального научно-политического журнала «Власть», профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)
vasyural@mail.ru

КАК СНИМАЛИ КУПРИЯНОВА

Освобождение от должности многолетнего руководителя партийной организации Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова раскрывает один из аспектов механизма функционирования политической системы в СССР в условиях позднего сталинизма. Констатируется, что сталинская система успешно продемонстрировала свою назидательную функцию не только в отношении самого Куприянова, но и всей карельской политической элиты. Это были уроки для региональной элиты как напоминание вождя о зависимости их политического и физического существования от его личной воли. По оценке автора, в условиях апогея сталинизма отставка Куприянова напоминает показательные процессы 1930-х годов над известными партийными руководителями. Освещается рассмотрение персонального вопроса и принятие решений руководящих органов ЦК ВКП(б) – Политбюро, Оргбюро, Секретариата. Показан политический процесс критики и покаяния в партийной среде на пленуме в Петрозаводске в январе 1950 года.

Ключевые слова: сталинизм, политическая система, политическая элита, Карело-Финская ССР, «ленинградское дело», Г. Н. Куприянов

Главным событием «ленинградского дела» в Карелии являлась отставка партийного руководителя республики Г. Н. Куприянова (см.: [5], [8: 150–151]). Данный факт освещается также в контексте истории Карело-Финской ССР (см.: [1: 16–17], [4: 153–154]). Изучение вопроса активно развивается с привлечением архивных документальных источников (см.: [2: 10–42], [3], [7: 340–356], [9: 228–238]).

Г. Н. Куприянов был освобожден от должности первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР в январе 1950 года. Партийным руководителем Карелии он являлся с июня 1938 года – сначала первым секретарем Карельского обкома ВКП(б), а после создания союзной республики в марте 1940 года – ЦК КП(б) КФССР. Закончилась совместная работа в Карелии Г. Н. Куприянова и Ю. В. Андропова, продолжавшаяся девять с половиной лет – с июня 1940 года, после избрания Андропова первым секретарем ЦК ЛКСМ республики. 11 октября 1944 года Ю. В. Андропов был утвержден вторым секретарем Петрозаводского горкома партии (должность первого секретаря горкома совмещал Куприянов), а в январе 1947 года он стал вторым секретарем Компартии республики.

Архивные документы свидетельствуют, что совместная работа двух партийных руководителей Карелии могла прерваться не в 1950 году, а раньше, осенью 1947 года. В недрах аппарата ЦК ВКП(б) сложилось мнение о необходимости кадровых изменений в партийном руководстве Карело-Финской республики. Данная позиция

изложена в документе под названием «Заключение на первого секретаря ЦК КП(б) КФССР Куприянова Г. Н.», который был подготовлен зам. заведующего отделом Управления кадров ЦК ВКП(б) А. Л. Дедовым и инспектором ЦК В. П. Доброхотовым. Подробная справка объемом 3,5 машинописной страницы через одинарный интервал, датированная 3 августа 1947 года, включала 1 страницу положительного резюме, в остальном тексте перечислялись многочисленные «крупные недостатки» в работе партийного руководителя республики. Данный документ находится в коллекции Управления кадров ЦК ВКП(б)¹. Аналогичная характеристика на Куприянова есть также в его личном партийном деле².

В указанном «Заключении» отмечалось:

Наряду с некоторыми удовлетворительными общими показателями партийной и хозяйственной работы в руководстве ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и первого секретаря Куприянова имеют место крупные недостатки³.

Констатировалось, что медленно выполняется решение Оргбюро ЦК от 22.11.1944 г. «О работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР», критически оценивалась персональная «практика руководства т. Куприянова»: он

не развернул критики и самокритики недостатков в работе <...> в партийной организации республики получили распространение вредные настроения самодовольства и благодушия.

В этом же решении ЦК ВКП(б) указал Куприянову на

примиренческое отношение к проявлению безответственности и недисциплинированности и непринятия мер, в связи с фактами недостойного поведения отдельных руководящих работников (пьянство, недобросовестное отношение к своим обязанностям)⁴.

В этой связи подчеркивалось, что «уровень и метод руководства с его стороны партийными организациями отстают от задач, которые поставлены перед Карело-Финской республикой». Главным виновником сложившейся ситуации назывался первый секретарь:

Тов. Куприянов, имея мягкий характер, не всегда проявляет нужную требовательность к отдельным работникам и партийному аппарату, часто решение ряда вопросов принимает на себя, не создает должного напряжения и четкости в работе аппарата, недостаточно воспитывает кадры в духе большевистской закалки и критической оценки их работы...⁵

Данный документ завершался итоговым выводом и рекомендацией:

Тов. Куприянов опытный партийный работник и в состоянии был бы исправить отмеченные недостатки в своей работе, но, имея в виду, что т. Куприянов на руководящей партийной работе в республике находится около девяти лет и что уровень его руководства не отвечает современным требованиям, *считаем целесообразным направить его на учебу и в дальнейшем использовать на руководящей партийной работе в другой республике или области*⁶ (курсив наш. – Ю. В.).

Трудно поверить в оценку Куприянова как человека с «мягким характером», которая дана в характеристике. Скорее наоборот, это был руководитель авторитарного типа, который не терпел каких-либо возражений со стороны окружения. Возможно, в кабинетах работников руководящего партийного органа в Москве он вел себя по-другому, поэтому у них сложилось подобное впечатление. Судя по формулировке о стаже «руководящей партийной работы в республике» – около 9 лет, текст характеристики был составлен ранее, не позднее июня 1947 года (партийная биография Куприянова в Карелии началась 17 июня 1938 года).

Примечательно, что к «Заключению» на Куприянова прилагались также три характеристики на других секретарей ЦК Компартии Карелии. Первая из них – на второго секретаря Ю. В. Андропова (от 3 сентября 1947 года), ее автор – инспектор Управления кадров В. П. Доброхотов. Данный документ завершается следующей оценкой: «Первый секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР т. Куприянов характеризует т. Андропова только положительно. Безусловно, с обязанностями второго секретаря ЦК КП(б) справится»⁷. Кроме этого, прилагались положительные характеристики на С. П. Логинова, секретаря по кадрам ЦК Компартии, и И. С. Яковлева, секретаря по пропаганде и агитации, датированные 5 сентября 1947 года⁸. На основании указанных документов можно судить

лишь о возможных вариантах кадровых перестановок, которые, вероятно, намечались в 1947 году. Конкретных предложений сохранившиеся документальные материалы не содержат. Секретарь ЦК Компартии Карелии С. П. Логинов был направлен на учебу в ВПШ при ЦК ВКП(б) в Москву. Секретарь ЦК И. С. Яковлев в июле 1948 года стал ректором Карело-Финского государственного университета. Возможным являлось также предложение о назначении руководителем партийной организации республики представителя из другой области, как произошло с назначением Куприянова в 1938 году.

Вполне допустим вариант, что в то время кандидатура 32-летнего Андропова рассматривалась в качестве преемника Куприянова. Инициатором такого кадрового решения мог быть Алексей Николаевич Ларионов, который в 1946–1948 годах в ЦК ВКП(б) занимал должность заведующего отделом кадров партийных органов Управления кадров. Еще в 1938 году, будучи третьим секретарем Ярославского обкома партии, Ларионов ходатайствовал о выдвижении Юрия Андропова первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ. Более того, тогда он взял на себя смелость и ответственность в этом деле, несмотря на выявленные бдительным инструктором ЦК ВЛКСМ А. Капустиной неточности в биографических данных Андропова. А ведь это было время массовых репрессий, в том числе в отношении партийных и комсомольских работников, – период «большого террора». Мнение А. Н. Ларионова в давней довоенной истории оказалось решающим для секретаря ЦК ВЛКСМ по кадрам Г. П. Громова. В годы войны первый секретарь ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР Ю. Андропов, как свидетельствуют документы, в том числе личная переписка, поддерживал контакты с первым секретарем Ярославского обкома партии А. Н. Ларионовым, назначенным на эту должность в 1942 году. В 1947 году инициативный, решительный и смелый партийный работник А. Н. Ларионов, занимавший ключевую должность в Управлении кадров ЦК ВКП(б), несомненно, мог содействовать выдвижению своего молодого коллеги. Может быть, именно он являлся автором проекта кадрового обновления в карельском партийном руководстве. 17 декабря 1947 года А. Н. Ларионов завизировал документ с предложением направить первого секретаря ЦК Компартии Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова на учебу и в дальнейшем использовать на руководящей партийной работе в другой республике или области⁹.

Однако никаких перестановок в 1947 году не произошло. Г. Н. Куприянов, являвшийся выдвиженцем ленинградской партийной организации, продолжил руководить партийной организацией Карелии. В данном случае следует учитывать, что Управление кадров в 1947 году находилось

в подчинении секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова. Секретарем ЦК ВКП(б) вместо оказавшегося в опале Г. М. Маленкова стал бывший секретарь Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов, который в 1938 году рекомендовал Куприянова в качестве руководителя партийной организации Карелии. Возможно, если бы в 1947 году произошли перемены в карельском партийном руководстве, судьба Г. Н. Куприянова и других карельских руководителей оказалась бы более благосклонной. Подтверждением может служить пример одного из ленинградских руководителей – бывшего второго секретаря Ленинградского обкома партии Т. Ф. Штыкова, волей судьбы оказавшегося сначала на Дальнем Востоке, затем в Северной Корее и избежавшего участи своих коллег по ленинградской партийной организации.

В 1948 году Жданов заболел и умер 31 августа. Маленков вернул свои прежние позиции в ЦК ВКП(б). В 1949 году по его инициативе и непосредственном руководстве развернулось «ленинградское дело», волны которого накрыли и Карелию. Несколько месяцев в Петрозаводске работала комиссия из Москвы. 2 декабря 1949 года состоялось первое рассмотрение вопроса в ЦК ВКП(б). Председательствовал на заседании Секретариата ЦК партии Г. М. Маленков, присутствовали секретари ЦК П. К. Пономаренко, Г. М. Попов, М. А. Сулов, члены ЦК Н. А. Михайлов, Н. М. Пегов, М. Ф. Шкирятов, председатель ВЦСПС В. В. Кузнецов, заведующие отделами ЦК партии, заместители заведующих отделами.

Выписка из протокола заседания Секретариата ЦК ВКП(б) по вопросу «О проверке заявлений, поступивших в ЦК ВКП(б) на первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР т. Куприянова Г. Н.» (п. 136)

Москва

2 декабря 1950 г.

В связи с тем, что при обследовании работы ЦК КП(б) Карело-Финской ССР вскрыты крупные недостатки в руководстве партийной организацией со стороны т. Куприянова, а также факты, порочащие его как партийного руководителя, поручить комиссии в составе т.т. Пономаренко (созыв), Шкирятова, Дедова и Кузнецова Г. предварительно рассмотреть материалы результатов проверки, заслушать объяснение т. Куприянова и подготовить мероприятия по укреплению руководства ЦК КП(б) Карело-Финской ССР.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 470. Л. 31. Подлинник.

Подробности о данном заседании Секретариата неизвестны, так как никаких материалов к заседанию по п. 136 в архивном фонде нет.

26 декабря 1949 года под председательством секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова состоялось заседание Оргбюро ЦК. В повестке дня первым значился вопрос «О работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР». Как свидетельствует двухстраничное постановление по данному вопросу (протокол № 474), главным объектом резкой

критики являлся персонально первый секретарь ЦК Компартии республики Г. Н. Куприянов. Недостатки в деятельности партийной организации Карелии оказались обусловлены «ленинградским делом»¹⁰. После отчета Куприянова с содокладом выступил инспектор ЦК ВКП(б) Г. В. Кузнецов, он доложил об итогах проведенной проверки. Работа ЦК КП(б) была признана неудовлетворительной. Партийному руководству Карелии ставили в вину «зажим критики и самокритики», укрывательство от ответственности виновников, а также преследование тех, кто выступал с критикой недостатков в организациях, принятие мер по заявлениям, письмам и «сигналам» в партийные органы, провалы в кадровой политике. В контексте данной риторики, обычной для документов того времени, персонально в адрес Куприянова прозвучали угрожающие формулировки. Он обвинялся в том, что «не ведет борьбы с фактами обмана государства, приписок в выполнении планов», сам лично «допускает факты очковтирательства»: в докладах на съездах и пленумах сообщал «неправильные, фальсифицированные данные о результатах работы промышленности и сельского хозяйства». В постановлении было сформулировано положение, которое впоследствии повторялось в принимаемых решениях и постоянно звучало в обсуждениях: «Куприянов утратил чувство большевистской скромности, создал вокруг себя обстановку восхваления и подхалимства». Также было записано: «Признать неудовлетворительными объяснения, данные т. Куприяновым по вскрытым при проверке фактам его неправильного поведения»¹¹.

В ходе проверки московской комиссии всплыло «рыбное дело» в Беломорске, которое тянулось более двух лет, в 1947–1949 годах главный бухгалтер Министерства рыбной промышленности республики Вичурин проводил ревизию на Беломорском рыбокомбинате. Прокуратура республики потребовала предать суду директора рыбокомбината Мешкова и министра рыбной промышленности Ломова. Куприянов своей властью запретил их судить, прикрыл это дело. Об этом деле стало известно в Москве. Оно разбиралось в конце июля 1949 года в Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) зам. председателя М. Ф. Шкирятовым. В КПК были вызваны Куприянов, Андропов, зав. промышленным отделом Башкуров, зам. председателя Совета министров Саккеус, министр рыбной промышленности Ломов. По итогам разбирательства в Москве о фактах хищений ценных видов рыбы и государственных средств директора Беломорского рыбокомбината Мешкова и министра Ломова отдали под суд, Саккеуса и Башкурова сняли с должностей. Куприянову вынесли партийное взыскание – поставили на вид.

Вспомнили также «спиртовое дело», когда председатель Госплана республики Б. С. Альперович подписал наряд на получение со склада в управлении делами Совмина 56 литров этилового спирта для технических целей группе партийных и советских руководителей. Спирт приобретался по промышленной цене, без торговой наценки и использовался на личные нужды.

Вновь прозвучали сюжеты, связанные с резонансным делом по поводу денежной реформы 14 декабря 1947 года, которое в народе называли «делом декабристов». Как известно, до трех тысяч рублей, хранящихся на сберкнижке, обменивались на новые деньги в соотношении 1:1. Из Москвы накануне вечером руководителю партийной организации республики пришла секретная телеграмма с информацией о предстоящей реформе. Оказалось, что ряд номенклатурных партийных и советских работников в срочном порядке внесли вклады на сберкнижку в Центральной сберкассе г. Петрозаводска, в том числе адъютант Куприянова по его поручению – 2 500 руб. личных денежных средств своего начальника. Секретный пакет о денежной реформе получил также министр финансов С. С. Ракчеев, в ведомстве которого кадрами заведовала жена Куприянова. Ходили слухи, что она также срочно положила деньги на счет в сберкассе. Внесли вклады министр финансов, начальник управления гострудсберкасс. Об этом деле стало известно, было заведено уголовное дело, состоялся суд. Однако на скамье подсудимых оказались лишь исполнители. Осудили заведующую Центральной сберкассой Данилову, главного бухгалтера Кудряшова и несколько работников этой сберкассы. Фамилии руководителей на процессе не упоминались. По свидетельству Я. Н. Бравого, государственного обвинителя на суде по делу о денежной реформе, Данилова признала свою вину, просила проявить снисхождение, обязалась трудом искупить вину. Кудряшова же в последнем слове неожиданно заявила:

Происходит явная несправедливость. Судят стрелочников. Мы оказались стрелочниками. Только мы оказались виноватыми. Мы без вины виноватые <...> Судят нас, рядовых. Начальство вышло сухим из воды. Надо тогда и их сюда пригласить [б: 432].

Для участников заседания Оргбюро ЦК ВКП(б), в числе которых присутствовал второй секретарь ЦК Компартии КФССР Ю. В. Андропов, были очевидны возможные последствия подобной критики. Тем более что понимание «неправильного поведения» Куприянова прямо связывалось с «ленинградским делом». В п. 3 постановления подчеркивалось:

Признать неправильным, что ЦК КП(б) и Совет Министров Карело-Финской ССР без разрешения союзного правительства учредили представительства Совета Министров, а также представительства некоторых республиканских министерств и ведомств в городе Ленинграде¹².

Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) поручалось «рассмотреть имеющиеся в ЦК ВКП(б) материалы о неправильном поведении т. Куприянова, дополнительно заслушать его объяснения и о результатах доложить ЦК ВКП(б)». Секретариату ЦК было поручено в недельный срок подготовить проект постановления по отчету ЦК КП(б) республики, в котором требовалось отметить «вскрытые при проверке недостатки» и предусмотреть «меры по укреплению руководства ЦК КП(б) Карело-Финской ССР»¹³.

14 января 1950 года Секретариат ЦК рассмотрел вопрос «О первом секретаре ЦК КП(б) Карело-Финской ССР» (протокол № 477, п. 63). Участники заседания – секретари ЦК ВКП(б) П. К. Пономаренко, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, члены ЦК Н. А. Михайлов, Н. М. Пегов, М. Ф. Шкирятов, заведующие отделами и представители ЦК и аппарата. Секретариатом было принято решение: «...освободить т. Куприянова от занимаемой должности <...> отозвав его в распоряжение ЦК ВКП(б)»¹⁴. В материалах к Секретариату содержатся документы, проливающие свет на некоторые детали данного заседания. В записке Г. М. Маленкову, подготовленной (как и в 1947 году) А. Л. Дедовым, зам. заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), отмечалось: в связи с проверкой работы и отчетом ЦК КП(б) Карело-Финской ССР на Оргбюро ЦК ВКП(б) вскрыто много недостатков и ошибок в работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и т. Куприянова. В Политбюро ЦК еще 12 января были отправлены материалы по персональному вопросу о Куприянове с запиской Дедова на имя И. В. Сталина. В этой записке повторялись те же критические формулировки, что и в записке Маленкову:

Тов. Куприянов с обязанностями первого секретаря ЦК Компартии республики не справляется, в своей работе допускает факты зажима критики и самокритики товарищей, выступавших с критикой подвергал преследованиям, не вел борьбы с фактами обмана государства, сам занимался очковтирательством, завывал плохие результаты работы промышленности и сельского хозяйства, кроме этого допустил серьезные ошибки в работе по подбору и воспитанию кадров, внутрипартийная работа в республике запущена, свой авторитет т. Куприянов в парторганизации подорвал и поправить состояние дел в республике не сможет¹⁵.

Из аппарата Политбюро была получена выписка из протокола заседания Политбюро, оформленного той же датой, что и заседание Секретариата (протокол заседания Политбюро № 72 от 14.01.1950 г., п. 250). На выписке из Политбюро – автограф Сталина¹⁶.

Докладная записка Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) с предложением об освобождении от занимаемой должности Куприянова Г. Н. и рекомендации Кондакова А. А.

Товарищу СТАЛИНУ

Москва

« » января 1950 г.¹⁷

Вносится предложение об освобождении т. Куприянова Г. Н. от работы первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР.

В связи с проверкой работы и отчетом ЦК КП(б) Карело-Финской ССР на Оргбюро ЦК ВКП(б) вскрыто много недостатков и ошибок в работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и т. Куприянова.

Тов. Куприянов с обязанностями первого секретаря ЦК Компартии республики не справляется, в своей работе допускает факты зажима критики и самокритики, товарищей, выступавших с критикой, подвергал преследованиям, не вел борьбы с фактами обмана государства, сам занимался очковтирательством, завышал плохие результаты работы промышленности и сельского хозяйства, кроме этого допустил серьезные ошибки в работе по подбору и воспитанию кадров, внутривнутрипартийная работа в республике запущена, свой авторитет т. Куприянов в парторганизации подорвал и поправить состояние дел в республике не сможет.

Первым секретарем ЦК КП(б) Карело-Финской ССР рекомендуется тов. Кондаков А. А. – инспектор ЦК ВКП(б).

Тов. Кондаков А. А. родился в 1908 году, русский, член ВКП(б) с 1927 года, образование высшее. До работы в аппарате ЦК ВКП(б) был вторым секретарем Ярославского обкома партии и первым секретарем Костромского обкома ВКП(б). В прошлом году окончил Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Тов. Кондаков сельское хозяйство и промышленность знает, с обязанностями первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР справится.

Предложение это вносим на Ваше рассмотрение.

Зам. зав. Отделом партийных,
профсоюзных и комсомольских органов
ЦК ВКП(б)

А. Дедов

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 206573. Л. 17. Машинописная копия.

Унизительная процедура снятия с должности для бывшего первого секретаря ЦК КП(б) КФССР на этом не закончилась. Продолжение происходило на заседании Оргбюро ЦК партии через день, 16 января 1950 года. Рассматривался вопрос «О работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР» (протокол заседания Оргбюро ЦК № 478, п. 4). Председатель – Г. М. Маленков. Присутствовали члены Оргбюро Г. Ф. Александров, Н. А. Булганин, В. В. Кузнецов, Н. А. Михайлов, Н. С. Патоличев, П. К. Пономаренко, М. А. Суслов, Б. Н. Черноусов, Н. Н. Шаталин, члены ЦК ВКП(б) Н. М. Пегов, М. Ф. Шкирятов, кандидаты в члены ЦК, члены Центральной Ревизионной комиссии, зав. отделами ЦК, заместители заведующих отделами¹⁸.

На заседании Оргбюро Куприянов, формально уже освобожденный Политбюро и Секретариатом от должности партийного руководителя КФССР, выступил с отчетным докладом о работе ЦК КП(б) республики за период с ноября 1944 года по сентябрь 1949 года. В данном случае

он считался, в соответствии с постановлением Секретариата, отозванным в распоряжение ЦК ВКП(б). Затем был заслушан содоклад инспектора ЦК ВКП(б) Г. В. Кузнецова. Работа ЦК КП(б) Карело-Финской ССР была признана неудовлетворительной. В качестве одного из главных недостатков назывался низкий уровень критики и самокритики. Куприянов обвинялся в том, что он «создал обстановку восхваления и подхалимства в республиканской организации»¹⁹.

Для последующих событий своего рода черной меткой явилась следующая фраза из п. 7 постановления Оргбюро:

Признать неправильным, что ЦК КП(б) и Совет министров Карело-Финской ССР без разрешения союзного правительства учредили представительства Совета министров, а также некоторых республиканских министерств и ведомств в г. Ленинграде.

Требовалось «немедленно ликвидировать представительства в г. Ленинграде»²⁰. Данный факт являлся основанием для последующих обвинений Куприянова и его карельского окружения в участии в «ленинградском деле». Комиссии партийного контроля поручалось рассмотреть материалы, имеющиеся в ЦК ВКП(б), «о неправильном поведении т. Куприянова». Констатировалось, что Куприянов не справился с руководством партийных организаций республики, допустил крупные ошибки в своей работе и поведении. В постановлении Оргбюро еще раз вписали формулировку об освобождении Куприянова от обязанностей первого секретаря ЦК Компартии Карелии, хотя, как отмечалось выше, 14 января он уже был отстранен от этой должности сначала Секретариатом, затем Политбюро ЦК ВКП(б). Удивительный факт: получается, Г. Н. Куприянов трижды освобождался от занимаемой должности.

Материалы, связанные с подготовкой заседания Оргбюро ЦК партии, состоявшегося 16 января 1950 года, как свидетельствуют документы, готовились заранее. 20 декабря 1949 года Г. М. Маленков получил записку инспектора ЦК партии Г. В. Кузнецова объемом 11 страниц²¹. В ней особо отмечалось, что Куприянов не только не устранил ошибки, указанные в постановлении от 22.11.1944 г.²², но и усугубил их, решение ЦК не выполнялось. А вот постановление от 31.08.1944 г.²³ вообще не называлось.

Наряду с указанной запиской в декабре 1949 года Маленкову поступили еще несколько критических материалов в адрес Куприянова: 22.12.1949 г. докладная о серьезных недостатках в работе лесозаготовительной промышленности КФССР от зам. заведующего отделом тяжелой промышленности ЦК ВКП(б) В. И. Алексеева (5 страниц)²⁴; 22.12.1949 г. записка инструктора отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Б. Е. Саркисова (8 страниц)²⁵; 23.12.1949 г. письмо зав. транспортным отделом ЦК ВКП(б) Г. А. Чу-

маченко (5 страниц)²⁶. Указанные документы с обличительным содержанием позднее послужили основанием для предъявления обвинений и возбуждения ряда персональных дел против карельских руководителей (в их числе В. М. Виролайнен, П. В. Соляков, А. А. Трофимов, И. В. Власов, А. И. Малышев, Н. И. Бесперстов и др.).

29 декабря 1949 года по поручению Маленкова секретарь ЦК ВКП(б) П. К. Пономаренко и А. Л. Дедов представили проект постановления ЦК ВКП(б). В окончательной редакции в числе тех, кто готовил проект постановления Оргбюро, значатся фамилии: Куприянов, Г. Кузнецов, Андропов, Шкирятов, Сулов, Пономаренко, Хрущев, Маленков²⁷. Следует отдать должное Г. Н. Куприянову. Зная о приближающейся развязке и находясь под тяжелым психологическим давлением в сложившейся ситуации, он подготовил отчет о работе ЦК КП(б) КФССР за период с ноября 1944 года по сентябрь 1949 года. Этот отчет был утвержден на заседании бюро ЦК Компартии Карелии 26 сентября 1949 года. На следующий день, 27 сентября, 16-страничный отчет, напечатанный через одинарный интервал, был отправлен Сталину. Куприянов писал: «Сталину Иосифу Виссарионовичу <...> Докладываем Вам, т. Сталин, о выполнении постановления 22 ноября 1944 г.»²⁸. Воспитанный в партийной системе и хорошо знакомый с ее правилами, в сложившейся ситуации карельский руководитель мог надеяться только на снисхождение и милость партийного вождя в отношении своей собственной судьбы. Возможно, поэтому он избежал расстрельного приговора, на чем настаивал Маленков.

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 16 января 1950 года было распечатано и отправлено в адрес ЦК КП(б) КФССР, в том числе 25 экземпляров – для райкомов республики и Петрозаводского горкома партии. Однако, по невнимательности работников аппарата (для того времени – чрезвычайное происшествие), в распечатке оказалась указана неверная дата – 10.01.1950. В материалах дела на оригинале текста для распечатки исправлено – 16.01²⁹. А поскольку в Карелию уже отправили экземпляры с неправильной датой, до сих пор в литературе имеет хождение именно она. Эта же неверная дата называется и в материалах третьего пленума ЦК КП(б) КФССР, состоявшегося 24–25 января 1950 года, на котором «снимали» Куприянова и искоренили «куприяновщину», хотя к тому времени он уже не был партийным руководителем республики. В постановлении данного пленума также указана неверная дата.

Постановление ЦК ВКП(б) «О работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР» от 16.01.1950 г. имело конкретный объект критики – руководителя партийного органа республики. После того как вопрос был решен, постановление в целом вдруг оказалось неактуальным. Об этом свидетельствует факт, что уже 27.02.1950 г. оно было снято с

контроля в аппарате ЦК ВКП(б) и списано в архив помощником Маленкова Д. Н. Сухановым³⁰. Так закончилась история почти 12-летнего руководства Г. Н. Куприянова партийной организацией Карелии.

Судьба Куприянова, таким образом, была решена в Москве, об этом знали все руководители республики. Однако ему пришлось пройти еще через одно партийное чистилище – политическую экзекуцию на пленуме в Петрозаводске 24–25 января 1950 года. Руководству партии понадобился этот изощренный сценарий унижения недавно непререкаемого в республике руководителя. Чей конкретно сценарий был реализован – маленковский, бериевский, коллективный, аппаратный – не столь важно. Система сталинизма успешно продемонстрировала свою назидательную функцию не только в отношении самого Куприянова, но и всей карельской номенклатурной элиты. На пленуме присутствовало более двухсот человек – партийные, советские работники, руководители общественных организаций. Каждый из участников третьего пленума, по задуманному сверху сценарию, должен был извлечь для себя уроки из показательного процесса по избиению их бывшего партийного руководителя.

В условиях апогея сталинизма это напоминало показательные судебные процессы 1930-х годов над известными руководителями партии. В качестве унижительного и поучительного урока подобный опыт был использован в Грузии в 1952 году, когда Сталин поручил Берии провести пленум ЦК Компартии республики, связанный с «мингрельским делом». Это были назидательные уроки – напоминание вождя о полной зависимости политического и физического существования партийных функционеров любого уровня от его личной воли. Данный факт является подтверждением предположения, что главным автором идеи и сценаристом партийного пленума в Карелии в январе 1950 года был И. В. Сталин.

Московскую делегацию на III пленуме ЦК Компартии Карело-Финской ССР возглавлял зам. заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) Е. И. Громов, с докладом выступил Г. В. Кузнецов – инспектор ЦК ВКП(б). Воспитанные в сталинской политической системе, участники пленума 24–25 января 1950 года показали себя достойными функционерами партийной организации – они действовали по неписаным правилам поведения. Каялись все без исключения – в попутчики к Куприянову не хотел никто. Для выступлений в прениях записалось 54 человека, за два дня работы пленума выступило 34 человека, включая самого Куприянова³¹.

В своем выступлении Г. Н. Куприянов признавал «огромные недостатки и ошибки» в руководстве партийной организацией республики,

критиковал себя и других руководителей республики – Ю. В. Андропова, П. С. Прокконена, В. М. Виролайнена. Он раскаивался по поводу фактов, озвученных в докладе московской делегации. В частности, Куприянов с запоздалым сожалением вспоминал о допущении «безобразного факта», связанного с «рыбным делом» в Беломорске, – увольнением Вичурина, проводившего ревизию, который «разоблачил жуликов». Партийный руководитель признавал собственную вину в том, что получил от Вичурина несколько заявлений, но отказался принять его – защитила Вичурина КПК в Москве³². Другим болезненным обвинением для Куприянова, обнародованным в докладе инспектора ЦК ВКП(б) Г. В. Кузнецова, была его роль в денежной реформе в декабре 1947 года. По заявлению докладчика, Куприянов был «лично замешан» в неприглядной истории с обменом денег. В выступлении на пленуме объяснение партийного руководителя республики выглядело неубедительно: виновником признавался адъютант, несвоевременно выполнивший поручение своего начальника о внесении вклада из личных средств в сберкассу в размере 2500 руб.³³ Об угнетающем психологическом состоянии Куприянова в связи с данным делом свидетельствует архивный документ – трехстраничная рукописная вставка в текст выступления на III пленуме для стенограммы заседания, которая сделана рукой Куприянова через несколько дней после пленума³⁴. Огромные пробелы между строками, словами (всего по 4–5 слов в строке) создают впечатление клинически болезненного случая. Попытка выгородить себя в данной истории не снимала обвинения с руководителя республиканской организации: почему оказалась возможным подобный вопиющий прецедент – зафиксированный факт участия ряда партийных, советских, хозяйственных работников, а также их родственников в нарушении правил проведения денежной реформы? Возникал и другой вопрос: из какого источника просочилась информация о строго засекреченной операции по обмену старых денег на новые? Подобные деяния (или бездействие) могли квалифицироваться как нарушение нескольких статей уголовного кодекса.

Бдительные работники Управления кадров ЦК ВКП(б) выявили серьезные нарушения в кадровой политике в Карелии, о чем говорилось в докладе Г. В. Кузнецова. В выступлении на пленуме 24 января 1950 года Куприянов дал нелестную персональную характеристику целой группе своих выдвиженцев: А. И. Малышеву, А. А. Трофимову, В. И. Васильеву, Н. И. Бесперстову, С. С. Ракчееву. Наиболее резко он критиковал председателя Комитета культурно-просветительных учреждений И. В. Власова, проявившего, по терминологии Куприянова, особое угодничество и подхалимство, злоупотребление доверием свое-

го покровителя. Власов многие годы был одним из наиболее доверенных лиц первого секретаря ЦК Компартии республики³⁵. Уроженец Ленинграда (1905), член ВКП(б) с 1925 года, в 1933 году он прибыл в Петрозаводск, в 1941–1944 годах являлся зав. оргинструкторским отделом ЦК КП(б) КФССР. В годы войны Куприянов возложил на него персональное руководство организацией подпольной деятельности в оккупированных районах республики. Однако в биографии Ивана Власова был серьезный пробел: руководящий партийный работник имел лишь начальное образование. Начальную городскую школу он закончил еще в дореволюционном 1915 году, затем поступил в городское училище, но проучился недолго. Когда Куприянов рекомендовал Власова в 1940 году на должность зам. заведующего отделом кадров ЦК Компартии Карело-Финской ССР, каким-то образом в документах в графе «образование» появилась строка – незаконченное среднее. Однако в нескольких характеристиках зав. отдела главного партийного органа республики по-прежнему констатировался уровень образования – «начальное», «нижнее».

При выдвижении на руководящую партийную должность в ЦК Компартии КФССР в справке-объективке и листке по учету кадров И. В. Власова каким-то образом изменился не только статус образования выдвиженца, но и должность, занимаемая им в 1933–1934 годах: сравнительно невысокая должность зав. орготделом Контрольной комиссии Карельского обкома партии трансформировалась в более краткое наименование в анкете – зав. орготделом Карельского обкома партии – значительная разница в карьерном статусе.

В послевоенные годы метаморфоза с образованием И. В. Власова произошла при утверждении его председателем Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров республики. В графе «образование» появилась строка – среднее. Хотя в ряде характеристик руководителя культуры, подписанных Куприяновым и секретарем ЦК КП(б) по кадрам С. П. Логиновым, как и ранее, засвидетельствовано образование – начальное. Это констатируется и в последней характеристике Куприянова – рекомендации Власова от 17 ноября 1949 года на обучение на годичных курсах в ВПШ при ЦК ВКП(б)³⁶. Отдельным решением III партийного пленума в январе 1950 года он был отозван с учебы в ВПШ.

Нет необходимости уличать бывшего партийного руководителя Карело-Финской республики в манипулировании анкетными данными доверенного ставленника. Важнее другое: низкий уровень образованности не способствовал эффективной реализации возложенных на него ответственных функций. В этом, как представляется, заключается причина явно недостаточного уровня компетентности в организации созда-

тельной и нестандартной подпольной работы в годы Великой Отечественной войны в Карелии, отсутствия творческого подхода в руководстве учреждениями культуры и просвещения (музеями, библиотеками, Домами культуры и пр.) в послевоенный период. Неграмотность восполнялась проявлением личной преданности и лояльности своему покровителю, которая порой принимала уродливые формы, проявляющиеся в организации выставок, написании художниками портретов, изготовлении скульпторами бюстов, фотографиями фотоальбомов, создании кинохроники и псевдолитературных произведений, пьес и пр., возвеличивающих персону партийного руководителя республики. Предметом насмешек стал известный факт, когда Власов пытался сфотографировать Куприянова на коне, падая в грязь.

Выступающие на партийном пленуме 24–25 января 1950 года, в том числе недавнее ближайшее окружение Куприянова, соревновались в обвинениях в адрес своего бывшего покровителя, критиковали друг друга, не забывая и о собственных ошибках и просчетах: занимались самоунижением и клялись в верности партии и товарищу Сталину. На заседаниях пленума председательствовал второй секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Ю. В. Андропов. Его выступление было 21-м по счету. Как и выступления всех других участников пленума, оно содержало критику и самокритику, однако его нельзя назвать обличительным или радикальным, хотя причин и поводов для критики Куприянова и его окружения накопилось немало. Несомненно, текст выступления Андропова в январе 1950 году готовился

задолго до партийного пленума и редактировался не только автором, но и в Москве. Можно утверждать, что Андропов был заранее посвящен в перечень обвинений, которые содержались в докладе Г. В. Кузнецова: в машинописном тексте его выступления затрагивался ряд проблем, созвучных тексту докладчика (по указанию руководителя делегации из Москвы доклад не стенографировался).

Рассуждения по поводу того, почему же он не защищал своего руководителя, которому, конечно, во многом был обязан, в данном случае являются бессмысленными. Оспаривать или ставить под сомнение решения руководящих органов партии являлось недопустимым. В условиях апогея сталинской системы подписанием собственного приговора было заниматься не принято: это означало бы публичное выступление против Вождя.

На пленуме было принято немало организационных решений, связанных со снятием с партийных должностей, выведением конкретных лиц из состава бюро и ЦК Компартии республики. В отношении Г. Н. Куприянова было продублировано решение, принятое ранее в Москве. Показательный процесс критики и покаяния в партийной среде, происходивший на пленуме в январе 1950 года, получил продолжение 17 марта 1950 года, когда Куприянов был арестован по «ленинградскому делу». В республике началась кампания борьбы с «куприяновщиной», в которой выделялись представители недавнего ближайшего окружения бывшего партийного руководителя Карело-Финской ССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 127. Т. 2. Д. 1342. Л. 1–4.
- ² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 206573. Л. 8–11.
- ³ Там же. Ф. 17. Оп. 127. Т. 2. Д. 1342. Л. 2.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. Л. 3.
- ⁶ Там же. Л. 4.
- ⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 100. Д. 206573. Л. 11.
- ⁸ Там же. Л. 7–9.
- ⁹ Там же. Л. 11. Работая в последующие годы первым секретарем Рязанского обкома партии (1948–1960), А. Н. Ларионов в хрущевские времена сотворил неоднозначное «рязанское чудо», за что получил звание Героя Социалистического Труда.
- ¹⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 116. Д. 475. Л. 2–3.
- ¹¹ Там же. Л. 2.
- ¹² Там же. Л. 3.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 116. Д. 479. Л. 21.
- ¹⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 118. Д. 687. Л. 30.
- ¹⁶ Там же. Л. 29.
- ¹⁷ Точная дата в документе не указана. Материалы к заседанию Секретариата ЦК ВКП(б) от 14.01.1950 г. позволили ее уточнить – 12 января 1950 г.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 687. Л. 29.
- ¹⁹ Там же. Л. 2–3.
- ²⁰ Там же. Л. 6.
- ²¹ Там же. Д. 693. Л. 135–145.
- ²² Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 764. Л. 93; Оп. 116. Д. 187. Л. 3–4).
- ²³ Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) от 31.08.1944 г. «О недостатках политической работы среди населения районов Карело-Финской ССР, освобожденных от финской оккупации» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 169. Л. 21).
- ²⁴ Там же. Оп. 118. Д. 693. Л. 146–150.
- ²⁵ Там же. Л. 152–159.

- ²⁶ Там же. Л. 161–165.
²⁷ Там же. Л. 113–114.
²⁸ Там же. Л. 117–118.
²⁹ Там же. Л. 108.
³⁰ Там же. Л. 166.
³¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3940. Л. 2.
³² НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3942. Л. 4.
³³ Там же. Л. 12.
³⁴ Там же. Л. 12–14.
³⁵ Из личного дела Власова Ивана Владимировича (НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 1780):
 1920-е – начало 1930-х гг. – следователь Ленинградской уездной, окружной Контрольной комиссии ВКП(б); инспектор, инструктор, зав. Контрольно-плановым сектором Ленинградской областной Контрольной комиссии Рабоче-крестьянской инспекции (КК РКИ).
 1932–1933 – зам. руководителя сектора проверки исполнения Ленинградской областной КК РКИ.
 1933–1934 – зав. орготделом Карельской областной Контрольной комиссии ВКП(б).
 1934 – зам. председателя Карпрофсовета.
 1934–1936 – инструктор отдела руководящих партийных органов (ОРПО) Карельского обкома ВКП(б).
 1936–1938 – зам. зав. ОРПО, зав. сектором учета руководящих кадров обкома партии.
 1939–1941 – зам. зав. отделом кадров обкома, ЦК КП(б).
³⁶ НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 1780. Л. 47.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бу т в и л о А. И. Внутриполитические предпосылки упразднения Карело-Финской ССР в 1956 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7–2. С. 16–23.
2. В а с и л ь е в Ю. А. Тайны «Могикана» (К 100-летию со дня рождения Ю. В. Андропова). М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. 200 с.
3. В а с и л ь е в Ю. А., Ш е п е л е в В. Н. Борьба политических элит в условиях позднего сталинизма. Карельский отголосок «Ленинградского дела». 1949–1950 гг. // Исторический архив. 2016. № 3. С. 3–31.
4. В е р и г и н С. Г. История создания и упразднения Карело-Финской ССР // Федерализм. 2009. № 4. С. 147–160.
5. В е р и г и н С. Г. Ю. В. Андропов в воспоминаниях первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: Материалы V международной научной конференции. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 26–33.
6. Воспоминания // Гордиенко А. А. Куприянов и его время. Петрозаводск: Карелия, 2010. С. 422–445.
7. Г о р д и е н к о А. А. Куприянов и его время. Петрозаводск: Карелия, 2010. 448 с.
8. П р о к к о н е н П. С. Жизнь – Карелии!: воспоминания Павла Степановича Прокконена, его супруги, сына, невестки. Петрозаводск: Издательский дом «Карелия», 2010. 192 с.
9. Ш л е й к и н Ю. В. Андропов. Карелия. 1940–1951...: Биографическая хроника. Петрозаводск: Острова, 2014. 288 с.

Vasiliev Yu. A., Journal “Vlast (Authority)”, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)

REMOVAL OF G. N. KUPRIYANOV

Removal of G. N. Kupriyanov, a longstanding leader of the party organization of the Karelo-Finnish SSR, reveals one of the aspects in the mechanism of the Soviet political system functioning in conditions of late Stalinism. It is stated that the Stalinist system successfully demonstrated its edifying function not only for Kupriyanov himself but for the entire Karelian political elite as well. This lesson acted as a reminder for the regional elite about its political and physical dependence on the personal will of the Soviet leader. According to the author's assessment, in conditions of the apogee of Stalin's power, Kupriyanov's resignation is reminiscent of the show trials over famous party leaders in 1930s. The author analyses the process of personal issues' consideration and further decision making by the governing bodies of the Central Committee of the Communist Party – the Political bureau, the Organizational bureau, the Secretariat. The research is also focused on the study of the political process of criticism and repentance of the Communist party members at the plenum in Petrozavodsk in January of 1950.

Key words: Stalinism, political system, political elite, Karelian-Finnish SSR, “Leningrad cause”, G. N. Kupriyanov

REFERENCES

1. B u t v i l o A. I. Internal political factors of Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic abolition in 1956. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2016. No 7–2. P. 16–23. (In Russ.)
2. V a s i l i e v Y u . A. Secrets of “Mohican” (The 100th anniversary of Yuri Andropov). Moscow, 2014. 200 p. (In Russ.)
3. V a s i l i e v Y u . A., S h e p e l e v V. N. The struggle of political elites in conditions of late Stalinism. Karelian aftersound of the “Leningrad case”. 1949–1950. *Historical Archive*. 2016. No 3. P. 3–31. (In Russ.)
4. V e r i g i n S. G. The history of the creation and abolition of the Karelian-Finnish SSR. *Federalizm*. 2009. No 4. P. 147–160. (In Russ.)
5. V e r i g i n S. G. Yu. V. Andropov in the memoirs of the First Secretary of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of the Karelian-Finnish SSR G. N. Kupriyanova. *Historical readings on the street. Andropov, 5. History of security agencies. Materials of the V international scientific conference*. Petrozavodsk, 2014. P. 26–33. (In Russ.)
6. Memories. *Gordienko A. A. Kupriyanov and his Epoch*. Petrozavodsk, 2010. P. 422–445. (In Russ.)
7. G o r d i e n k o A. A. Kupriyanov and his Epoch. Petrozavodsk, 2010. 448 p. (In Russ.)
8. P r o k k o n e n P. S. Life is in Karelia!: Memoirs of Pavel Stepanovich Prokkonen, his son, and a daughter-in-law. Petrozavodsk, 2010. 192 p. (In Russ.)
9. S h l e i k i n Y u . V. Andropov. Karelia. 1940–1951...: Biographical chronicle. Petrozavodsk, 2014. 288 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 24.08.2017